

ГЛАВА I

- Подъем!
Меня трясут за плечо, причем довольно невежливо, а после даже дергают за волосы, что в целом перебор.

— Вставай, говорю! — повторил девичий голос. — Нам выходить через двадцать минут!

Куда выходить? Зачем куда-то идти? Я никуда опоздать не могу, поскольку неделя как безработный. Мне теперь спешить никуда не надо. И скажу так — в какой-то момент, день на третий безделья, даже подумалось о том, что в данном статусе есть масса положительных моментов — спи когда хочешь, ешь когда хочешь. Одно плохо — деньги за такое времяпрепровождение не платят. А так растительное существование вполне приятственная вещь. Ну а что в каком-то смысле дичаешь, то есть перестаешь бриться, а то и мыться, так это не беда. Хорошая грязь на пятый день сама отваливается.

Впрочем, не это главное. Основной вопрос в другом — кто та неприятная дама, которая бубнит над ухом и в данный момент вцепилась пальцами в мой нос, перекрывая доступ кислорода в легкие?

— Да блин! Мне что, тебя ногами пинать? Я могу, поверь!

— Не надо ногами, — попросил я и открыл глаза. — Кто ты, злая девочка?

— Выражения выбирай! — возмутилась моя собеседница. — Нашел девочку!

— Ну хорошо, злая женщина, — покладисто согласился я. — Если не подходит — злая бабушка. Необходимое подчеркнуть. Но вопрос тот же — кто ты?

С бабушкой я, конечно, погорячился. Надо мной склонилась вполне симпатичная особа лет двадцати трех — двадцати пяти, светловолосая, голубоглазая и до кучи немного курносая, что придавало ее лицу определенную пикантность. Мне такие всегда нравились, мой типаж. Дополнительную привлекательность ей добавлял и наряд — явно форменный, синий с узкими позолоченными галунами по шву костюмчик, белая сорочка и тонкий черный галстук.

— Я Инна, — ткнула пальцем в золотую узкую пластинку бейджика она. Там и в самом деле красовалось это имя. — Читать умеешь?

— Умею, — подтвердил я, — но ясности это не добавляет. Впрочем, любезность за любезность, меня зовут Виктор. Рад познакомиться.

— Да сейчас. — Инна цапнула со стула, стоящего рядом с кроватью, на которой я лежал, такой же пиджачок, как на ней самой, и ткнула пальцем в пластину над карманом. — Нет никакого Виктора, приятель. Есть Артем. А если мы опоздаем на собрание, то, может, и его не станет.

— Не смешно. — Я добавил в голос холода, давая понять девице, что шутки хороши в меру. — Какой Артем?

— Артемистый, — не менее резко ответила Инна. — Блин, вот же душнила мне достался в соседки! Да еще и тугой на голову. Скажи, тебя только этот факт удивляет? А то, что вокруг тебя сейчас находится, включая меня, — нет? И то, что ты не помнишь, как сюда попал, — тоже?

А ведь она права. Я вообще где?

— Ну слава богу, в глазах проблеск мысли появился, — констатировала девушка. — Может, ты и небезнадежен. И сразу — я сама понятия не имею, где мы находимся, как сюда попали и почему ты стал Тёмой, а я Инной. Просто прими это как факт до того момента, пока не появится дополнительная информация, которую можно будет анализировать. Наверняка я знаю только две вещи. Первое — это гостиница, отель или гостевой дом. Я в подобных местах столько времени провела, что ошибиться не могу. Второе — через семнадцать минут нам надо спуститься вниз, в холл, где будет проведено некое важное мероприятие. Если точнее — собрание. Что за холл, какое собрание — опять же в душе не волоку, но явка на него обязательна. Господин, сообщивший мне эту весть, был более чем убедителен. Глянь ты на него, тоже сразу бы поверил.

— У меня сейчас мозги закипят, — уведомил я разговорчивую девушку. — Серьезно.

— Вот и хорошо. Это значит, что ты небезнадежен. Вставай и одевайся.

А ведь она права, гостиница, по мебелировке видно. Причем, похоже, вполне respectable. Номер небольшой, при этом мебель в нем дорогая, качественная, очень хорошей работы. Опять

же, рамы на окнах не пластиковые, а деревянные, это кое о чем мне говорит. Классические традиции, стилизация под старое доброе время, все такое. А подобное всегда стоит дорого.

Несколько лет назад мне довелось поработать в мебельном салоне, ориентированном на богатого клиента, потому в этих вопросах разбираюсь если не на профессиональном уровне, то недалеко от него. Я вообще всегда охотно учусь всему новому, главное, чтобы такая возможность представилась.

— Давай еще раз и с самого начала. — Я встал с узкой и жесткой кровати, обнаружив при этом, что из одежды на мне имеются одни трусы. Впрочем, логично, я же спал. Одно только плохо: убей — не припоминаю, как ко сну отходил. Мои воспоминания кончались на том, что я решил за хлебушком в соседнюю «Пятерочку» сходить. Ну и пивка взять до кучи. — Мы непонятно, где...

— Слушай, иди лесом, а? — перебила меня девушка, уже усевшаяся на стул. — Я все эти логические выкладки делала не раз и не два, пока ты дрых. Так и эдак прикидывала, в окно глядела, сначала пыталась дверь открыть, потом в нее долбилась полчаса, весь номер обшарила и так далее. Вот только ясности не прибавилось, Тёма. Ни на грамм. Вопросов море, ответов ноль. Именно потому я очень хочу попасть на собрание, которое начнется... Э-э-э... Через четырнадцать минут, может, хоть там что-то объяснят. Да одевайся ты уже, блин!

И она с беспокойством глянула на часы, висевшие над дверью. Красивые такие, с резным корпусом и большими пузатыми стрелками. Без пятнад-

цати три, однако. Похоже, что дня — за окном-то светло.

— Слушай, ты меня с этим собранием задрала уже, — не выдержал я. — Можно подумать, что без меня ты туда пойти не сможешь!

— Не смогу, — стукнула кулаком по столу Инна, причем с такой силой, что графин на нем подпрыгнул. Кстати, зачетный такой графин, зеленоватого стекла, отличная стилизация под девятнадцатый век. Тонкая работа. — Этот хрен с горы так и сказал: «Вы двое непременно должны явиться вместе». Прямо интонационно выделил эти слова, а потом добавил, что именно поэтому в моих интересах тебя разбудить как можно скорее. Мало того — после он сообщил, что в случае опоздания мы оба будем вычеркнуты из списка. Не знаю, что за список, но чую — нам в нем следует остаться.

— Что еще тебе рассказал серьезный господин?

— Больше ничего. Потом он ушел, причем дверь на ключ не закрыл, только теперь мне уже неохота в одиночку из номера выходить. Вдруг я снова с этим вестником встречусь? Знаешь, он прямо жуткий, от него то ли холодом тянет, то ли могилой. Да ты натянешь, наконец, штаны или нет? Что ты их, как младенца, тискаешь?

— Скажи, а как ты тут оказалась? — Я выполнил просьбу своей собеседницы, с некоторым удивлением отметив, что черные, чуть зауженные брюки с золотым кантом оказались мне не просто впору, а прямо тютелька в тютельку. — Или даже не так — ты чего последнее помнишь до того, как начала в окно глядеть и в двери долбиться? Я вот почти ничего. Из дома вышел — и все. Как отрезало.

— Приблизительно та же фигня, — буркнула Инна, насупившись. — Позавтракали мы с Вадей в гостишке, она, правда, попроще, сели в машину, выехали на трассу — и пустота. Очухалась тут, вон на той койке, по соседству ты храпишь.

— Хорош врать, я не храплю.

Белоснежная сорочка тоже идеально подошла мне по размеру, причем качество материала, на нее пошедшего, было выше всяких похвал. Дорогую и качественную одежду я всегда любил, потому в ней, как и в мебели, разбираюсь.

— Хорошо, сопишь, — поправилась Инна. — Да какая разница? Главное — отсюда выбраться, больно мутное место. Ну или хотя бы до телефона какого-то добраться. Мне бы только один звонок сделать, а дальше все решится быстро и четко.

— Мне проще. — Я затянул узел галстука, такого же, как у Инны, и взялся за пиджак. — Звонить особо некому.

— Что так? — не без легкой издевки осведомилась моя соседка.

— Ну, вот так. Родни никакой нет, друзей, пожалуй, тоже. Так, приятели. Встретились, выпили, на бильярде погоняли да разбежались. Одинокий я. Боббль.

— Ну а как же? — Инна изобразила не вполне приличный жест при помощи рук и движения бедрами. — Или ты не по женской части?

— Почему? По ней. — Я натянул на себя пиджак и поправил золотистую металлическую полоску с именем «Артем». Надо же, думал, что он точно будет великоват, но нет, снова все впору. — Но ты же не хуже меня знаешь, что в какой-то момент все

ваши проблемы непременно становятся проблемами мужчин, а проблемы мужчин — это не ваши проблемы. Мне лишние заморочки не нужны, и без того жизнь нелегкая, потому я предпочитаю продажную любовь. Так проще и удобнее. Собственно, я почти готов, так что можем идти, мадам торопыжка.

Присев на кровать, я вставил ноги в лакированные туфли и принялся завязывать шнурки.

— Мадемуазель, — поправила меня Инна, вставая со стула. — Хотя, с другой стороны, я в разводе. Интересно, а звание «мадемуазель» после него возвращается? Или это как девственность, в определенном смысле одноразовая штука? Господи, какая ерунда в голову лезет, а? Наверное, я от тебя тупостью заразилась.

В тот же момент я встал с кровати, сделал шаг вперед, развернул девушку к себе и припер к стене, не особо заботясь о том, что она крепко о последнюю спиной приложилась. Да и на то, что Инне не понравилось, когда моя рука легла поперек ее горла, тоже было наплевать.

— Слушай, я человек спокойный и мирный, без нужды никого пальцем не трону, но при этом очень не люблю, когда на мне оттачивают остроумие, приручают или ставят опыты из серии «насколько его терпения хватит». Потому давай договоримся вот о чем: пока мы с тобой в одной лодке, не стоит ее раскачивать. Я не знаю, в какую хрень мы вляпались и что тут происходит. Может, там, внизу, нас маньячина ждет, как в фильме «Пила», может, это какое-то новомодное реалити на грани новых технологий и здравого смысла или какая-то совсем

уж непонятная канитель. В любом случае — пока не разберемся, что и как, давай держаться в рамках взаимного уважения. Как тебе такое предложение?

— Отпусти! — просипела Инна. — Признаю, была не права!

— Истину глаголешь, — подтвердил я, выполняя ее просьбу. — Так мы договорились?

— Да, — недовольно буркнула она. — Но знай: золотое место в моем сердце ты только что потерял.

— Ничего, переживу. Женских сердец на свете много, может, в каком другом уголок найдется, — заверил ее я. — Пошли, что ли? Часики тик-так делают. Опоздаем — в список не попадем.

— Только ты первый выходи, — потирая горло, велела девушка. — Ты мужчина, тебе по штату положено.

— Вот и весь ваш феминизм, — усмехнулся я. — Он действует ровно до того момента, пока вокруг все тихо и безопасно, а потом сразу начинается: «Ты мужчина, потому пусть тебя съедят первым, а я в это время успею убежать».

— Самое время поспорить о гендерном равноправии и толерантности, — не удержалась от колкости Инна. — Давай, иди уже!

Дверь открылась без скрипа, за ней, как положено, обнаружился коридор. Обычный, гостиничный, пустой, неярко подсвеченный светильниками, висящими на стенах. Красивые, к слову, светильники, стилизованные под средневековые фонари. Видно, у владельцев этого места хороший такой бзик на классическом декоре.

А еще выяснилось, что помещению, в котором мы находились, присвоен номер 84 и оно являет-

ся самым крайним на этой стороне этажа. За ним лишь стена, затянутая огромным гобеленом, на котором лихие охотники загоняют здорового рогатого оленя. Вышивка поражала своим качеством и подходом к детализации, прямо ощущалось, как весело охотникам и страшно обреченному на смерть оленю.

Гобелен есть, а окна нет, что, наверное, неправильно. Плюс на двери, расположенной напротив нашей, таблички с номером я не увидел. Впрочем, не исключено, что это какое-то техническое помещение, в котором хранятся тряпки, ведра, моющие средства и прочий хлам. Их обычно в самом конце коридора и размещают.

— Никого, — повертев головой, сообщила мне наконец-то вышедшая из номера Инна. — Мы что, на этом этаже одни живем?

— Без понятия, — ответил я, сделал несколько шагов и постучал ногтем по фотографии, висящей на стене. — Но с учетом антуража это скорее радует, чем печалит. Не знаю, как тебе, но мне вот совершенно не улыбается случайно увидеть тут, в коридоре, двух маленьких девочек в светлых платьишках, которые держатся за руки, или странного мужика во фраке. Например, вот этого. Глянь, какая рожа!

— Фу, блин! — Моя спутница глянула на фото, где была запечатлена группа людей в нарядах начала прошлого века, стоящих на лестнице. — Вот ты зачем мне это сказал? Теперь не по себе стало, аж мураши по спине пробежались. Еще этот ковротин жуткий! Неужели нельзя было выбрать цвет повеселее? Как кровища же!

— Стандарт, — предположил я, глянув себе под ноги, — или традиция. А потом — на светлом материале пятна видны лучше, чем вот на таком, темно-бордовом. Гостиница же, постоянно кто-то что-то проливает, роняет, блюет... Про детей не забывай, от спиногрызов шума и грязи всегда полно, они одинаково станут засирать что дешманский кемпинг, что люксовый отель.

— До чего ты неприятный тип, Тёма. Что ни скажешь, все не в тему, — поморщилась девушка и быстро зашагала по коридору, бросив через плечо: — Надеюсь, наше соседство окажется временным и недолгим.

— Надейся, — согласился я, последовав за ней, но притормозил у зеркала, которое висело на стене. — И чего это я неприятный? Вполне... Твою-то мать!

Из отражения на меня смотрел не я. Кто угодно, но только не я. Теперь понятно, почему пиджак на мне не висит, как я сначала подумал, а комфортно облегает тело. Да потому что оно размером больше, чем то, которое раньше было. У меня сроду подобного разворота плеч не наблюдалось. И волосы черные, а не светлые. Да все другое! Ну, почти. Еле заметный шрам на подбородке остался, это я в раннем детстве с самоката навернулся прямым на железку в траве.

Но в остальном человек, смотрящий на меня из глубин амальгамы, был мне совершенно незнаком. Хотя, ради правды, выглядел он куда симпатичнее, чем прежний я. Как минимум — мужественнее. Не то чтобы тот я был совсем дохляк и страхолюда, но до того, каким стал, не дотягивал точно. Я рань-

ше если и был супермен, то сильно на минималках. И то только в собственных глазах, после седьмого-восьмого шота.

Плюс мне годков сбросили, на исходные тридцать с приличным хвостиком новый я не тянул. Двадцать три — двадцать пять, больше никак не дашь.

И это, пожалуй, было почище, чем прочие странности, включая новое имя. Ко всему остальному худо-бедно можно было подобрать хоть какое-то логическое обоснование, к новой внешности и возрасту — нет. Никак. Хоть разорвись!

— Чего застыл? — остановилась Инна, глянула на меня и топнула ножкой. — Что опять?

— Сама посмотри, — мотнул я головой в сторону зеркала. — Очень удивишься, как мне кажется!

Так оно и вышло. Девушка, глянув на себя, на мгновение застыла, потом ощупала лицо, словно не веря тому, что видит, а затем побледнела и тихонько взвизгнула.

— Что, родная, офигела? — похлопал я ее по плечу. — Не отвечай, это риторический вопрос. Но во всей этой ерунде есть один большой плюс.

— Какой? — жалобно всхлипнула Инна. — То, что я до хрена денег в пластику лица полгода назад зря ухнула, а сиськи делать не стала?

— Хм, — озадачился я. — Поясни.

— Лицо накрылось, а они какие были, такие и остались. Считаю, сэкономила. Только это очень сомнительная радость!

— Нет, я о другом. Мы теперь точно знаем, что это не реалити-шоу. Ни одна телекомпания так заморачиваться точно не станет, больно велики рас-

ходы, сначала производственные, а после судебные. Хотя, с другой стороны, все еще сильнее запуталось. Ладно лицо, но как они мне рост прибавили? Такое же в принципе невозможно!

— Не скажи, — возразила моя спутница, тыкая пальцем сначала в свою щеку, а потом в мою. — Мне знающие люди говорили, что в Корее вроде даже такие штуки наострились делать. Они вообще в плане косметологии и пластической хирургии впереди планеты всей идут. Но в целом ты прав, такие деньги в проект с ноунеймами вроде тебя ни один продюсер вбухивать не станет.

А ты, можно подумать, не ноунейм? Хотя... Может, останься у нее прежнее лицо, я бы ее узнал. Гонору у девочки много, самоуверенности тоже хоть отбавляй, плюс это ее «мне только один звонок нужен». Кто знает, кем она была раньше?

— Пошли, — потянул я ее за собой, — даже побежали. Нам нужны ответы на вопросы, а времени до момента икс всего ничего осталось. Пара минут, не больше.

Коридор закончился площадкой, с одной стороны которой располагалась винтовая лестница с широкими мраморными ступеньками, а с другой — лифт. Причем не какой-то суперсовременный, скоростной и зеркальный, а опять-таки в стиле ретро, с двойными дверцами, которые надо открывать руками. Первые — металлические, красивые, с ажурными решетками, вторые — деревянные. Я похожий видел года два назад в Вене, причем тоже в отеле. Как его... «Карлсхоф», что ли? Шницеля там еще вкусные в ресторане были, с хрустящей корочкой.

Но главное не это. Судя по звукам, доносящимся из лестничного пролета, там, внизу, похоже, на

самом деле находились люди, и это подтверждало то, что мне поведала Инна. Не то чтобы я сомневался в ее словах, но как-то привык за годы никому, кроме себя, не верить. А значит, мы на самом деле вот-вот опоздаем на пресловутое собрание, что может выйти боком. Чем больше странностей, тем выше вероятность того, что слова мужика, напугавшего мою новую знакомую, являются чистой правдой.

— Погнали! — Я дернул к себе девушку, которая было направилась к лифту, а после резво побежал вниз по ступенькам. — Давай, давай!

— Хорошо, что туфли дали на низком каблуке, — пискнула Инна, следуя за мной. — На высоком по таким ступенькам особо не побегаешь!

Лестница кончилась как-то вдруг, и мы выскочили из полумрака в освещенный холл. Ярко освещенный, настолько, что я даже прикрыл глаза ладонью.

— О, еще двое, — сказал кто-то. — Последние, наверно.

Проморгавшись, я окинул глазами помещение. Ну да, это точно отель, вон стойка ресепшен, причем такая, что за ней человек десять может поместиться, вон диванчики для гостей и прочие гостиничные атрибуты. Причем и тут все оформлено в том стиле, который народ называет «дорого-богато». Высокий потолок с золотой лепниной, стены отделаны красным деревом, пол, разумеется, мраморный, причем наборный, я такие штуки знаю. Если на него глянуть сверху, то узришь некую картину. Эдакий плиточный пазл.

А еще тут находилось человек тридцать молодых людей обоюбого пола, причем все в такой же одежде, как у нас, и с золотыми именными пластинами на

груди. Кто-то с комфортом расположился на упомянутых диванчиках, кто-то подпирал плечом стену. Впрочем, тут присутствовали не только они. За стойкой обнаружился высокий, сильно немолодой мужчина с костистым лицом и седыми волосами, а около массивных закрытых дверей на диванчике сидели еще двое господ средних лет, которые с интересом смотрели на нас. Один был высок, худощав, имел тонкие черты лица и одет с иголки, второй же представлял собой почти полную его противоположность. Невысокий, полноватый, с растрепанными волосами и в жеваных джинсах, он вносил в местную пафосную обстановку небольшой градус нормальности, позволявший осознать, что где-то все же, похоже, есть тот привычный мир, из которого меня выдернули. Еще бутылочку пивка ему в руки сунуть, и все, он копия моего соседа Мишани. Более всего к нему подходило слово «мужичок».

— Так-с, — звучно произнес седовласый господин, находящийся за стойкой, и глянул на часы, висевшие над дверью. — Не скажу, что вы непунктуальны, но и хвалить вас не за что. Знаком хорошего тона считается явка на встречу за пять минут до назначенного времени, а не сбегание с лестницы в последний момент, да еще в запыханном виде.

— Главное — успели, остальное частности, — выдохнул я и поправил галстук. — Условие выполнено?

Один из двух мужчин на диванчике, тот, что был чуть пониже, одобрительно крикнул. Еле слышно, но я этот звук уловил.

— Выполнено, — признал мужчина. — Ваши имена и из какого вы номера?

— Я Виктор, а она...

— Артем и Инна, — перебила меня девушка, незаметно ткнув кулаком в бок. — Номер восемьдесят четыре.

— Третий этаж, левое крыло, — качнул головой тот, кто находился за стойкой. — Замечательно. Пройдите к своим новым коллегам, через минуту мы начнем собрание.

Я заметил, что после этих слов крепко сбитый брюнет, расположившийся на одном из диванов, глянул на свою соседку, миниатюрную блондинку, а после они оба уставились на нас, в их взгляде читался неподдельный интерес.

— Аристарх Лаврентьевич, давайте дадим опаздывающим еще немного времени, — предложил толстячок. — Несколько минут. В конце концов, мы не в армии, верно?

Однако имечко! Аристарх Лаврентьевич. Как пустая бочка в реку с обрыва упала...

— Работа в отеле требует собранности и точности не меньшей, а даже большей, чем в армии, — как-то даже равнодушно заметил его собеседник. — Но ваши слова я оспаривать не вправе. Вы новый владелец отеля, потому любое решение, кроме тех, которые идут вразрез с законом или могут повредить постояльцам, для меня является практически указанием к действию.

— Совладелец, — заметил сосед добродушного мужичка. — И я обещаю вам, Аристарх Лаврентьевич, что подобной благотворительностью здесь никто больше заниматься не станет. Тем более что в прошлый раз она и вам, и отелю вышла хорошим боком.

— Благодарю вас, Анатолий Анатольевич, — чуть наклонил голову обладатель чудного имени. — Я рад, что вы меня понимаете.

Мы с Инной тем временем решили последовать примеру своих новых... Даже не знаю, как назвать тех, кто собрался в этом странном месте. Собратья по несчастью? Да вроде нас пока не убивают. Друзьями или врагами их тоже не назовешь, мы же даже незнакомы. Все, что нас связывает, — это одинаковая форма.

Короче, мы тоже прислонились к стене. На ней, к слову, как и в коридоре, висели фото, причем все они, как одно, были стилизованы под работы начала двадцатого века. Дамы в меховых воротниках, приталенных длинных платьях и в самых разнообразных шляпках, от таких, под полями которых ночевать можно, до миниатюрных, с вуальками. Ну а мужчины в костюмах-тройках, почти все усаты и забавно пучат глаза. Как видно, ждут, когда из объектива вылетит птичка.

Кое-кто из присутствующих переговаривался друг с другом. То ли они раньше были знакомы, то ли сейчас наиболее коммуникабельные товарищи решили не тратить время и наводить мосты с окружающими. А ну как нас на команды делить начнут?

Кстати. Про реалити-шоу подумал, про злодея с пилой подумал, а про «королевскую битву» забыл. Сейчас импозантная троица как возьмет, как сообщит, что из отеля выйдет всего один из нас. Дескать, вперед, и пусть победит достойнейший, оружие лежит вон там. Фас!

Хотя вряд ли. Тогда они не сидели бы здесь, положив ногу на ногу, подобные вести доносят через

трансляцию. Просто мы же их первых и загасим, а после дружно покинем это место, при необходимости выломав двери. Вон какие-то мандулы с цепочкой стоят, из числа тех, которыми проход перекрывают, они даже на вид тяжеленные, такими самое то створки выносить, пусть даже такие серьезные, как у здешней входной двери.

— Тём, мне почему-то снова стало страшно, — прошептала Инна, встав на цыпочки и приблизив свои губы к моему уху. — Просто совсем перестала что-либо понимать. А еще я здесь ни одного телефона не вижу. На ресепшен он всегда должен присутствовать, даже в самых шняжных хостелах. И еще часы, которые показывают время разных поясов. В отелях такого класса на стене не меньше четырех штук должно висеть, а тут, сам видишь, вообще ничего! Как подобное возможно?

— Да это ладно, — усмехнулся я. — Тут и поудивительнее вещи можно углядеть. Вот ты когда в последний раз видела такую толпу народа, как здесь, и чтобы никто в мобильнике не ковырялся? Я точно такого не припомню.

— Вот что не так! — охнула Инна. — Я-то понять не могу, что меня так раздражает. А это условный рефлекс работает! Есть свободная минута — загляни в мессенджер или почтуними. Умом понимаю, что смартфона нет, а подсознание работает.

— Мы рабы привычек, — подтвердил я. — О, ка-жись, мероприятие начинается!

Аристарх Лаврентьевич пригладил седые волосы, поправил галстук-бабочку, глянул на сидящих совладельцев данного заведения, дождался их благосклонного кивка, взял в руки желтоватый листок бумаги и вышел на середину холла.

— Итак, господа и дамы, — звучно произнес он, так что где-то под потолком, среди нескольких ярко горящих винтажных люстр, заметалось эхо, — я рад вас приветствовать во вновь открытом отеле «Перекресток».

— Вновь? — неожиданно подал голос один из обладателей такой же форменной одежды, как и у меня, светловолосый и с наивно-детским лицом. — То есть он...

— Во-первых, перебивать старших невежливо, — сказал вроде бы и тихо, но так, что каждый из нас его услышал, Анатолий Анатольевич. — Во-вторых, фраза «а теперь можете задавать вопросы» пока не прозвучала.

— Благодарю вас, — церемонно обозначил поклон седовласый господин, а после обратился к любопытному молодому человеку: — На первый раз ваша оплошность не будет зачтена. Если еще раз позволите себе подобную бесцеремонность, то будете оштрафованы. Это относится ко всем присутствующим.

— Как мы можем быть... — Неугомонный паренек, похоже, не понял, что с ним здесь никто не намерен шутить, но тут в дело вступила стоящая рядом с ним девушка. Она просто-напросто закрыла рот любителя дискуссий своей ладонью и невероятно очаровательной улыбкой дала понять нахмурившемуся старику, что инцидент исчерпан и его больше никто перебивать не станет. Ну, по крайней мере, этот товарищ точно.

— Итак, — откашлявшись, продолжил Аристарх Лаврентьевич, — с сегодняшнего дня все вы...

— Извините! — донесся до нас девичий голос. — Мы чуть-чуть опоздали! Но самую малость же!

По лестнице чуть ли не скатились вниз двое запыхавшихся ребят. Разумеется, разнополых, разумеется, в такой же форме, как у нас.

— Ваши имена? — холодно осведомился у них седовласый.

— Алена, — мигом ответила круглоглазая невысокая шатенка. — А это...

— Олег, — буркнул юноша, массируя плечо.

— Антон он, — ткнула его кулачком в бок девушка. — Антон! Вон и на бейджике написано!

— Так-так. — Аристарх Лаврентьевич глянул на листок в руке, достал из нагрудного кармана маленький серебряный карандашик и два раза чиркнул им по бумаге. — Увы, но по объективным причинам вы не можете претендовать на то, чтобы занять места в штате отеля.

— О как! — раздался чей-то голос.

— Именно так, — подтвердил Анатолий Анатольевич. — Точность, вежливость и безукоризненность во всем — вот качества, традиционно культивируемые среди персонала отелей сети «Перекресток». Вы ими не обладаете в полной мере.

— Но мы... — жалобно пробормотала Алена.

— Молодые люди, не стоит искать аргументы в свою защиту, — покачал седой головой неумолимый старикан. — В этом нет ни малейшего смысла.

— А что же нам дальше делать? — развела руки в стороны девушка.

— Ступайте вон туда. — Серебряный карандашик указал на небольшую дверь без таблички, находящуюся справа от лестницы, в дальнем углу холла, рядом с коридором, ведущим невесть куда. Странно, что я ее раньше не заметил, хоть по своей давнишней привычке вроде внимательно все

входы-выходы из помещения зафиксировал. — Там о вас позаботятся.

Алена, похоже, все-таки хотела сказать что-то в свою защиту, но накупившийся Олег-Антон подхватил ее под локоть и поволок к двери.

Но самое странное случилось после. С того места, где стояли мы с Инной, не было толком видно, что там, за этой дверью, находится. Так, еле-еле что-то заметить можно было. И все же мне показалось, что за ней вовсе ничего и нет, одна густейшая чернота, которая словно втянула в себя опоздавшую на собрание парочку.

